

О СЕМАНТИКЕ КРЫЛАТЫХ СЛОВ

Квалификация устойчивых в речи фраз (пословиц, поговорок и крылатых слов) как единиц фразеологического либо не фразеологического состава языка неразрывно связано с проблемой определения самого понятия фразеологизма как специфической языковой единицы.

Как известно, для фразеологии одной из наиболее актуальных была и остается по сегодняшний день проблема определения ее объема. В зависимости от того, какое дифференциальное свойство фразеологизма принималось в качестве основополагающего, взгляды на границы фразеологии весьма широко варьировались от, например, только «немоделированных» сочетаний с абсолютно фиксированным лексическим составом, в котором содержится хотя бы один компонент с переосмысленным (уникальным) значением [1], до вообще всех сочетаний, характеризующихся несвободной (resp. ограниченной) лексической сочетаемостью как результатом проявления лексико-семантической валентности слова [2].

С течением времени в лингвистике установилось двойное понимание объема фразеологии – так называемое «узкое» и «широкое». Согласно первой точке зрения, объектом фразеологии «в узком смысле» являются, во-первых, фразеологизмы-идиомы, которые независимо от своей грамматической структуры отличаются слитностью значения и синтетичностью знаковой функции и поэтому эквивалентны словам (возникла даже тенденция называть «фразеологизмами» только идиоматические сочетания слов [3]), а также фразеологические сочетания, в которых реализуются прежде всего связанные значения слов [4]. В объеме фразеологии «в широком смысле», современное понимание которой обязано своим возникновением известным работам академика В.В.Виноградова «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946) и «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), включаются еще и устойчивые фразы – пословицы, поговорки, крылатые выражения, разнообразные этикетные формулы и иные устойчивые в речи выражения коммуникативного характера, функционально эквивалентные предложениям, неоднотипные по своей структуре и семиотическим функциям, – т.е. все словесные комплексы, которые воспроизводятся в речи в «готовом виде».

Если сужение объема фразеологии обусловлено преимущественно целью «найти» для фразеологических единиц «свое» место в системе языка, то границы фразеологии в широком (resp. традиционном) смысле очерчиваются прежде всего, посредством нахождения того универсального и гомогенного, что позволяет не только рассматривать все несвободные сочетания слов в качестве специфического феномена языка vs. речи, но и определить основные свойства и признаки фразеологизма как специфической лингвистической единицы. Пожалуй, одним из наиболее спорных в этом смысле является вопрос о включении в состав фразеологизмов (как в узком, так и в широком их понимании) пословиц, поговорок и крылатых выражений (в том числе и афористических).

В частности, отказ крылатым выражениям в принадлежности к единицам фразеологического

состава языка (а это значит, как уже говорилось, и вообще к языковым единицам) традиционно объясняется, тем, что их функционирование в речи носит характер цитирования, воспроизведения как чего-то чужого для говорящего, причем независимо от того, по мнению В.Н.Телия, «известен источник происхождения или нет» (?!), а также тем, что общее значение крылатых слов «не вытекает из значений слов, их составляющих, а как бы резюмирует модель, содержащуюся в исходном тексте (или ситуации)» [5].

Значение всех сверхсловных крылатых выражений (безотносительно их грамматической структуры), вопреки распространенному мнению, так или иначе вытекает преимущественно именно из совокупности прямых и/или переносных значений их лексических компонентов, а вовсе не только из содержания авторского контекста и исходной ситуации употребления. Подавляющее большинство крылатых выражений способны вполне адекватно семантически интерпретироваться носителями языка и без знания источника своего происхождения (формальным доказательством этого можно считать тот факт, что очень многие крылатые выражения ассоциируются в языковом сознании говорящих не с каким-то конкретным автором и/или литературным произведением, а с литературой вообще, либо интуитивно осознаются как индивидуально-авторские образования, не принадлежащие как все прочие единицы языка одновременно всем и никому). Ср.: *А счастье было так возможно, так близко!*... (А.С.Пушкин); *Ба! знакомые все лица* (А.С. Грибоедов); *без божества, без вдохновения* (А.С. Пушкин); *вертеться, как белка в колесе* (И.А. Крылов); *во весь голос* (В.В.Маяковский); *во дни торжеств и бед народных* (М.Ю. Лермонтов); *всерьез и надолго* (В.И.Ульянов-Ленин); *Все флаги в гости будут к нам* (А.С.Пушкин); *герой не моего романа* (А.С.Грибоедов); *из дальних странствий возвратись* (И.А.Крылов); *и жить торопится, и чувствовать спешит* (П.А.Вяземский); *Иных уж нет, а те далече* (А.С.Пушкин); *к штыку приравнять перо* (В.В.Маяковский); *Какая смесь одежд и лиц* (А.С.Пушкин); *Кричали женщины ура и в воздух челчки бросали* (А.С.Грибоедов); *легкость в мыслях необыкновенная* (Н.В.Гоголь); *муза дальних странствий* (Н.С.Гумилев); *на заре туманной юности* (А.В.Кольцов); *не мудрствуя лукаво* (А.С. Пушкин); *одна – но пламенная страсть* (М.Ю. Лермонтов); *охота к перемене мест* (А.С. Пушкин); *Пора, мой друг, пора* (А.С. Пушкин); *ради жизни на земле* (А.Т.Твардовский); *рыцарь на час* (Н.А.Некрасов); *Свежо предание, а верится с трудом* (А.С.Грибоедов); *сеять разумное, доброе, вечное* (Н.А.Некрасов); *ученый малый, но педант* (А.С.Пушкин); *хождение по мукам* (А.К.Толстой); *этапы большого пути* (М.А.Светлов) и т.п.

Содержание авторского контекста или исходной ситуации употребления обуславливает общее значение не более пятой части всех крылатых выражений. В частности, в русском языке такого рода единиц можно найти только от 14,0 % по данным весьма авторитетного сборника «Крылатые слова» Н.С.Ашукина и М.Г.Ашукиной ([1955] 1987) до 20,0 % в известном лингвострановедческом словаре «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (1988) В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова. Ср.: *авгиевы конюшни* (из греческой мифологии); *алые паруса* (А.С.Грин); *гадкий утенок* (Г.Х.Андерсен); *голый король* (Г.Х.Андерсен); *гордиев узел* (из гре-

ческой мифологии); *дело пахнет керосином* (М.Е.Кольцов); *Есть еще порох в пороховницах* (Н.В.Гоголь); *зелен виноград* (И.А.Крылов); *лебедь, рак и щука* (И.А.Крылов); *Кто раньше сказал «эз»* (Н.В.Гоголь); *мальчик для битья* (М.Твен); *на деревню дедушке* (А.П.Чехов); *кравы Растеряевой улицы* (Г.И.Успенский); *остаться у разбитого корыта* (А.С.Пушкин); *перейти Рубикон* (из исторического анекдота о Юлии Цезаре); *потемкинские деревни* (из исторических свидетельств о деятельности фаворита Екатерины II графа Г.Потемкина); *подпоручик Кижэ* (из анекдота о Павле I); *премудрый пескарь* (М.Е.Салтыков-Щедрин); *прокрустово ложе* (из греческой мифологии); *римский огурец* (И.А.Крылов); *рога и копыта* (И.Ильф и Е.Петров); *синяя борода* (Ш.Перро); *слона не приметить* (И.А.Крылов); *сражаться с ветряными мельницами* (М.Сервантес); *тридцать сребреников* (Матфей, 26, 15); *умывать руки* (Матфей, 27, 24); *щуку бросить в реку* (И.А.Крылов) и т.п.

Весьма показательно в этой связи, что подавляющая часть подобного типа крылатых выражений «фразеологизировалась» в русском языке (герр. утратила актуальную связь с источником своего происхождения, а, следовательно, и с его содержанием как мотивационной базой общего значения) и ничем семантически не отличается от иных фразеологизмов с утраченной мотивировкой общего значения. Однако еще более показательным является то, что среди таких крылатых выражений встречаются как названия известных литературных произведений, так и единицы, образовавшиеся в результате переосмысления содержания какого-то литературного произведения или исходной ситуации целиком либо их определенных фрагментов (т.е. не только генетически, но и онтологически зависимые от содержания последних). Ср., например, широко употребляемые в русском языке фразеологизмы *медовый месяц* (выражение из романа Вольтера «Задиг, или Судьба» (1747), заимствованное им, в свою очередь, из восточного фольклора) и *медвежья услуга* (выражение, образовавшееся как обобщение содержания известной басни И.А.Крылова «Пустынник и Медведь» (1808), где рассказывается о том, как однажды медведь решил сделать добро своему другу, который спал, – прогнать муху с его лба, и так ударил его камнем по голове, что убил не только муху, но и раскроил череп друга). В белорусском языке подобного рода крылатые выражения (из собственно белорусских источников) фразеологизировались вообще почти все. Ср.: бел. *жаба ў каляіне* – название басни (1927) К.Крапивы; *рыцар ночы* – цитата из образка З.Бядули «Прытуліся ка мне» (1913); *свінтус грандыёзус* – выражение из комедии того же К.Крапивы «Хто смяецца апошнім» (1939); *хварэць на пана* – фраза из поэмы Я.Коласа «Новая зямля» (1910–1923) и т.д. [6]

Необходимо отметить, что из всех разновидностей крылатых выражений фразеологизации поддаются в первую очередь те единицы, общее значение которых никак не соотносится со значениями слов (компонентов), из которых они состоят. Фразеологизации такого рода крылатых выражений способствует еще и то, что среди них почти нет единиц со структурой фразы (синтаксически эквивалентных предложению). Последние вообще количественно преобладают в корпусе крылатых слов: составляют, например, около 60,0 % в знаменитом сборнике «*Gefäßgelte Worte*» (1864)

К.Бюхмана, чуть менее 65,0 % в сборнике «*Крылатые слова*» ([1955] 1987) Н.С.Ашукина и М.Г.Ашукиной, а также почти 90,0 % в белорусскоязычном сборнике «*Крылатыя словы і афарызмы*» (1997) Ф.М.Янковского.

Можно утверждать, что крылатые выражения, общее значение которых целиком вытекает из содержания их литературного или исторического источника (т.е. связано с какими-то историческими событиями и/или знаменательными либо просто любопытными случаями из жизни знаменитых исторических лиц) являются по способу своего переосмысления (герр. соответствующей модели семантической деривации) тождественными фразеологизмам не крылатого происхождения, общее значение которых возникло в результате эпистемологической и/или эмоционально-экспрессивной оценки того контекста или той ситуации, которые мотивировали образование соответствующего свободного сочетания слов (ср., например, интерпретацию происхождения таких фразеологизмов, как *бить баклуши*, *разводить бодягу*, *точить лясы (балясы)* и т.п. [7]).

Следует заметить, что признать тождественность формирования плана содержания крылатых выражений, общее значение которых не вытекает из совокупности прямых и/или переносных значений их лексических компонентов, и всех иных несвободных сочетаний слов с утраченной внутренней формой фразеологам «не позволяют» только следующие соображения.

Во-первых, наличие устойчивой ассоциативной связи первых с авторским источником своего происхождения рассматривается обычно как показатель их непринадлежности вообще к языковым единицам (которые являются достоянием не какого-то конкретного лица, а всех носителей языка), а значит и как основание для признания не внутриязыкового характера способов их семантической деривации. В случаях же фразеологизации крылатых выражений – видение этой связи как обязательного предварительного, несобственно языкового этапа формирования значения соответствующих фразеологических единиц.

Во-вторых, знание самим исследователем авторского источника происхождения того или иного устойчивого выражения либо сама по себе широкая известность этого источника как знаменательной культурной или исторической реалии определенной эпохи «препятствует» интерпретации плана содержания крылатых выражений как продукта внутрисистемного механизма порождения языковых значений. Однако и в том, и в другом случае сам механизм закрепления определенного несвободного значения за определенным свободным сочетанием слов не может (вопреки распространенному мнению) в принципе носить экстралингвистический характер, поскольку иначе фразеологизация соответствующих крылатых выражений была бы, видимо, попросту невозможна.

В этой связи, кстати, особенно показателен тот за немногим исключением «любительский» характер существующих исследований генезиса тех или иных устойчивых выражений (не индивидуально-авторского происхождения), который имел в виду А.Ф.Журавлев, оценивая современное состояние и перспективы развития исторической фразеологии и фразеологической этимологии в русистике [8]. Так или иначе, но фразеологи в своем подавляющем большинстве почему-то предпо-

читают бесконечно выяснять мотивировку семантики фразеологизмов-идиом не литературного происхождения на материале широкого круга фактов культуры и истории данного этноса или языкового окружения путем самых разнообразных приемов языкового моделирования, в большинстве своем привлекаемым либо специально создаваемым *ad hoc* (а потому и допускающих двойственное толкование происхождения одного и того выражения [9]), чем выявлять объективные закономерности семантической деривации фразеологизмов на примере крылатых выражений с полностью переосмысленным общим значением, семантика прототипов которых очевидна, а прозрачность мотивировки переносного смысла рассматривается в качестве одного из категориальных признаков.

Общее же значение крылатых афористических фраз за весьма и весьма редким исключением вообще никогда целиком не вытекает из содержания литературного контекста или исходной ситуации употребления, в том числе и в тех случаях, когда крылатый афоризм не является словами исторического лица либо цитатой из литературного (реже – фольклорного) текста, а возник в речи как прямое или переносное обобщение содержания какого-то известного события, литературного контекста либо даже целого произведения. Ср.: *Услужливый дурак опаснее врага* – крылатая фраза из басни *Пустынник и медведь* (1808) И.А.Крылова, которая, что весьма показательно, и начинается этим афоризмом (последним в ряду других сентенций); бел. *Другі баран – ні «бэ», ні «мя», а любіць гучнае імя* – широко употребляемое в белорусском языке крылатое выражение из басни К.Крапивы *Дыпламаваны баран* (1926), которое полностью (герс. адекватно) понятно и без знания содержания произведения. Общий смысл этой устойчивой фразы ('славы, известности более всего жаждет тот, кто не способен приобрести их собственным умом') и экспрессивно-прагматическая характеристика ситуации его употребления ('говорится чаще с неодобрением или иронично, когда умным, заслуживающим уважения стремится показаться бездарный человек') [10] целиком складывается из значений входящих в него слов и фразем, ср.: *другі* – (здесь) 'какой-нибудь', *баран* – (перен., бранное) 'про тупого, несообразительного человека', *ні «бэ», ні «мя»* – (прост., неодобр.) 'совсем ничего (не знать, не понимать)', *гучны* – (перен.) 'получивший широкую известность', *імя* – (здесь) 'личная известность, репутация' [11]. Ср. также крылатые афоризмы: *Промедление смерти подобно* (Петр I); *Привычка свыше нам дана: замена счастию она* (А.С.Пушкин); *Победителей не судят* (Екатерина II); *Нет мук сильнее муки слова* (С.Я.Надсон); *Мы не можем дать милостей от природы, взяты их у нее – наша задача* (И.В.Мичурин); *Блажен, кто верует, тепло ему на свете* (А.С.Грибоедов); *Вера горами двигает* (Матфей, 17, 20) и т.п.

Тот факт, что общее значение крылатых афористических фраз в подавляющем большинстве случаев либо вытекает из значений их лексических (в том числе и фраземных) компонентов, либо так или иначе мотивировано ими, объясняется весьма просто. Всем афористическим высказываниям в отличие от всех остальных (герс. неафористических) высказываний свойственна не столько законченность самой мысли, как это обычно принято считать, но и ее обязательная, если можно так

выразиться, смысловая «завершенность» по отношению как к отражаемой действительности (т.е. синтаксическая эквивалентность предложению), так и к самому содержанию сообщения (т.е. контекстуально абсолютно самоисчерпывающий характер информации).

Одним лишь, пожалуй, исключением из этого являются те единичные случаи, когда крылатые афористические высказывания являются абсурдными в своем прямом значении. Их общее переносное значение детерминировано соответствующим переносно-образным смыслом в авторском контексте или исходной ситуации употребления. Например, выражение *Дважды два – стеариновая свечка* используется для выражения сущности женской логики, как ее образная характеристика и/или оценка (и одновременно как ее образец), что обусловлено соответствующим авторским употреблением данной фразы в романе И.С.Тургенева *Рудин* (1856), ср.: *Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиной, а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка* (Гл. 2). Крылатое изречение *Не дворянская наука – география*, которое употребляется для характеристики невежества и бескультуры, возникло в результате переносно-образного обобщения содержания комедии Д.И.Фонвизина *Недоросль* (1782) и непонятно без точного знания ее соответствующего контекста, ср.: [Простакова:] – *Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то* [география – Е.И.], *он ее и расскажет*. [Правдин:] – *Описание земли*. [Простакова (Стародуму):] – *А к чему бы это служило на первый случай?* [Стародум:] – *На первый случай годилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь*. [Простакова:] – *Ах, мой батюшка! Да извозчик-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда – свезут куда изволишь* (IV, 8). Общее значение бел. *Будзем сеяць, беларусы!* – 'призыв не терять веры в светлое будущее своей Родины даже в самое тяжелое для нее время, самоотверженно трудиться на пользу своего Отечества, своего народа' – детерминировано содержанием авторского контекста его употребления (одноименного стихотворения П.Бровки, написанного в 1942 г. во время оккупации Беларуси фашистской Германией), ср.: *Хутка вызваляцца гоні 3-пад уіску, 3-пад прымусу, Будзем сеяць, беларусы, На ўсход сонца частым зернем... Смерць на захад мы павернем. <...> Стане поле каласіца, Ляжа шоўкавым абрусам, Будзем сеяць, беларусы! Закрасуе буйна збожжа. Нас ніхто скарыць не зможа!*

Те крылатые выражения, которые обладают содержанием, выходящим за пределы их плана выражения (употребляются для наименования ситуаций, не являющихся прототипами свободных фраз тождественной внешней формы), используются в коммуникативных целях (для передачи некоторой информации), представляют в плане своего содержания социально значимые феномены (что детерминирует их употребление в речи), выражают реалии действительности в обобщенном виде (в отвлечении от их конкретных, единичных проявлений), связаны между собой определенного типа отношениями (составляют корпус категориально гомогенных единиц), зависят в смысловом отношении от ситуации своего употребления (способны изменять свое значение в зависимости от

Проблемы славянской культуры и цивилизации

того или иного ситуационного контекста), воспроизводятся в речи, а не производятся каждый раз заново и т.д., иначе говоря, обладают свойствами знаков, т.е. входят в состав собственно номинативных (строевых) единиц, как например, слова и фразеологизмы (в узком понимании).

Примечания

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963; Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка [1967] / Под ред. А.И.Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М., 1986. – С. 7–23.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – С. 167–170; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 504.
3. Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 559.
4. Телия В.Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 560.
5. Фразеология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А.Серебренникова. – М., 1972. – С. 510–511.
6. Лелешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў: У 2 ч. – Мн., 1993. – Ч. 2. – С. 152; Лелешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. – Мн., 1993. – Т. 2. – С. 296.
7. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М., 1987. – С. 17, 122, 145.
8. Журавлев А.Ф. [Рец.] Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии (Москва, 1987) // ... – М., ... – С. 185.
9. Так, споры о происхождении выражения бить баклуши ведутся уже более ста лет и еще весьма далеки от однозначного решения, происхождение выражения вешать нос интерпретируется в 23 работах, турусы на колёсах – в 24, попасть как кур во щи – в 25, откладывать в долгий ящик – в 26, во всю Ивановскую – в 26, ни кола ни двора – в 27, жив курилка – в 28, не в своей тарелке – в 31, а бить баклуши – в целых 39 исследованиях и т.п., ср.: Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. История и этимология русских фразеологизмов: Библиографический указатель: (1825–1994). – München, 1994.
10. Иванова С., Иваноў Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дамаможнік. – Мн., 1997. – С. 68.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р.Судніка, М.Н.Крыўко. – Мн., 1996; Лелешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. – Мн., 1993. – Т. 1. – С. 141.